

«УТВЕРЖДАЮ»

Первый проректор

Южного федерального

университета

д.э.н., профессор

М.В. Сероштан

2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет» о диссертации Угриня Ивана Михайловича «Имперская и национальная парадигмы в ракурсе становления русской гражданской культуры», представленной на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02-политические институты, процессы и технологии (политические науки)

Актуальность темы представленной для отзыва диссертации не вызывает сомнений. Эта актуальность связана с поисками «национальной», или – лучше сказать – «государственной идеи». Споры об «имперскости» постсоветской России находятся сегодня на «переднем крае» идеологических баталий. Обсуждается эта тема и в гуманитарной науке – как отечественной, так и зарубежной.

Все части **структуры диссертации** – введение, три главы, состоящие из 12 параграфов, заключение, выводы и список литературы – представляют собой этапы реализации плана автора.

В первой главе – «Категория ‘имперского’ и факторы образования российского имперского государства» – анализируется понятие «империя» и разоблачаются мифы, сложившихся вокруг этого концепта. Сверх того, автор исследует особенности процесса образования имперского

государства в России, а также последствия отхода российского общества от «имперской парадигмы развития». Анализ «антиимперских мифов» представляет собой один из наиболее интересных сюжетов диссертации И.М. Угрина, это звучит по-настоящему остро и злободневно.

Вторая глава – «К вопросу о национальной идее и русской гражданской культуре» – открывается обсуждением феномена национального государства в его соотношении с «гражданской культурой»; затем автор анализирует взгляды ряда известных российских философов (включая и некоторых современных авторов) на сущность «русской национальной идеи», а также на ее отношение к идее имперской. При этом диссертант особо останавливается на характерных чертах «имперского сознания», а в заключение – на некоторых особенностях «русской гражданской культуры». В данной части работы вызывает интерес анализ автором имперских и антиимперских настроений (идей) в различных течениях русской социально-философской мысли, а также значения для российской истории дилеммы: «Россия – Европа» или «Россия – не Европа».

В третьей главе – «Российское государство и русский народ» – речь идет об эволюции российского государства в его «имперский период» (куда автор включает и советскую эпоху). Значительная часть этой главы посвящена описанию роли самодержавия и советской власти в процессе модернизации России. Автор исходит из того, что проблема империи – это проблема не только прошлого, но и будущего России. В данной главе автор стремится обосновать значимый, на наш взгляд, тезис о том, что «отказ от имперского типа государственного устройства не есть решение проблем русской власти» (с. 140).

При всех интересных моментах, без сомнения, имеющих в работе И.М. Угрина, многие ее положения вызывают у нас вопросы.

Так, концепт «национального государства» для многонационального российского государства (что, кстати, нашло отражение и в Конституции РФ 1993 г.) представляется не просто опасным, но и деструктивным. В этом

контексте не совсем понятна позиция автора относительно употребления концептов «русский народ» и «российский народ» (соответствующие пояснения на с. 2 автореферата или на с. 99 диссертации необходимой ясности не вносят).

Другой момент заключается в некорректной попытке диссертанта применить дихотомию «империя – национальное государство» к перспективам будущего развития России. Достаточно вспомнить, что само понятие «национальное государство» закреплено еще международными соглашениями Вестфальского мира 1648 – 1649 гг. При этом тема «империй» в современной отечественной публицистике и политической науке приобретает смыслы, которые можно определить в следующих контекстах: мода, театр абсурда, реальность. Не очень понятно из текста работы, какой точно парадигмы придерживается сам автор диссертации.

При всей своей медийной популярности, тема империй не относится к числу наиболее актуальных предметов анализа в отечественной политической науке. Отчасти это связано с тем, что в ней все еще остаются влиятельными идеологемы ленинской теории империализма, несмотря на качественное изменение современного мира. Кроме того, проще исследовать прошлое имперских государств, типологизировать их, сравнивать, давать им описательные дефиниции, нежели пытаться определить современное их состояние. Причем определить, исходя из того простого – с точки зрения истории – факта (известного еще Ш. де Монтескье и Ж. Жерару), что имперские политические образования суть неперенные спутники государств, обладающих в каждое данное историческое время сравнительно большим населением и территорией по отношению к остальным странам-соседам, которые данными атрибутами не обладают.

Во всяком случае, нужно непременно различать между «империей» как *идеологическим концептом* и империей как *научным понятием*, особенно в случае «империй», лишенных ценностной окраски в когнитивных пределах «Realpolitik».

Именно просветительской критике деспотизма Ш. де Монтескье и Ж.Ж. Руссо мы обязаны выяснением объективной заданности существования таких государств. Сразу следует оговориться, что в этой парадигме само понятие империи не употреблялось; вместо него использовался концепт «деспотий», известный еще со времен Аристотеля. Однако существенным отличием данной традиции от идеалистически-рациональной критики В. фон Гумбольдта, П. Гольбаха, Д. Дидро и К. А. Гельвеция является факт/попытка объяснения наличия детерминированной подоплеки данных форм правления, систем законодательства, нравов, обычаев и форм хозяйствования народов.

В этой традиции утверждается, что страны, имеющие большую территорию и плотность населения, мягкий климат, плодородную почву, пустынный/степной ландшафт местности «обречены» иметь деспотическую форму/«образ» правления. Значит, такие государства *ex defīnicīo* не могут иметь гражданского общества в качестве своей социальной основы. Руссо пошел в этой связи еще дальше: только страны с малой территорией и небольшой плотностью населения могут в истории рассчитывать на демократическую историческую «судьбу» и гражданское общество (например, Швейцария). Неслучайна поэтому ожесточенная критика у Дидро, Руссо и Монтескье политических порядков в «Московии».

Данная линия идеологизации «больших государств» (через марксизм) удивительным образом перекечевала в условия 30-40-х гг. XX в. Имеются в виду «построения» классической теории геополитики (Х. Маккиндер с идеей «Хартленда» и К. Хаусхоффер – с «Lebensraum», а чуть позже – Р. Челлен и Ф. Ратцель). Из многообразной аргументации, впрочем, следовал единственный вывод: Российская Империя/СССР/Россия – империи, обреченные самим фактом своего существования на деспотическое политическое устройство и отсутствие гражданского общества, что, безусловно, должно представлять опасность для «западной цивилизации». В данном аспекте, идеологическими предтечами «советологической»

геополитики поневоле стали (без их, впрочем, ведома) идеи Монтескье и Руссо. Но вся эта традиция проходит мимо внимания автора.

Положения, выносимые на защиту, нуждаются в существенной корректировке. Из первого положения не совсем понятно, что защищает империя: регион или «всеобщее пространство» мессианской идеи, и что автор понимает под цивилизацией в имперском аспекте? Далее, признаков/атрибутов имперского устройства гораздо больше в исследовательской литературе (См. к примеру, книгу П. Кеннеди «Взлет и упадок великих держав»), чем указано диссертантом («принцип организации на универсальных принципах больших пространств, населенных народами с различной культурой»). Не менее важными признаками имперской государственности являются: централизованная модель взаимоотношений центра и регионов, анизотропность или гетерономность частей, составляющих империю (здесь был бы весьма уместен политологический анализ экономической, культурной, конфессиональной и др. разницы частей «будущей российской империи»), чрезвычайная толерантность империй и др. Второе положение, выносимое на защиту, приходит в противоречие с идеями Н. Бердяева и К. Леонтьева, представленными в диссертации. Уникальность «русской цивилизации» как раз и заключается в обостренном противоречии государства и гражданского общества, а выход – и выживаемость – в «имперском проекте». Третье положение, выносимое на защиту, не нуждается вообще в доказательной базе, ибо очевидно.

Пункты новизны исследования (а их пять) также требуют серьезного уточнения, ибо в наличной формулировке половина из них не нуждаются в доказательствах (п. 1-3). Мы рекомендуем автору при формулировке п. 3 научной новизны учесть целый ряд зарубежных и отечественных работ, посвященных проблематике империй и новых империй (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А.Ф. Филиппов, Л.С. Гатагова и др.). Далее, на 12 параграфов автор предлагает 5 исследовательских задач, 5 пунктов новизны и 5 положений, выносимых на защиту. Возникает вопрос: для чего представлены

еще семь параграфов? Каким образом эта структурная логика работы отражена в пунктах новизны и в положениях, выносимых на защиту?

Формирование имперской модели развития российского государства было обусловлено множеством объективных факторов, игнорирование которых привело бы к несостоятельности государства в качестве института власти и его неспособности противостоять внешним угрозам. В свою очередь отказ от имперской парадигмы развития породил внутри российского социума ряд проблем, нерешенных до сих пор. Проект построения национального государства, осуществляемый в течение двух последних десятилетий, так и не завершился успехом.

На страницах работы практически отсутствуют выражения «политический анализ»/«политологический анализ», но много «философского анализа» (показательно даже название п. 1.2. или п. 1 «научной новизны»). При этом автор претендует, к примеру, на исследование «вопроса о российской цивилизации» (п. 4 научной новизны работы). Очевидно, что такого рода сюжеты интересны для социальной философии, истории российской философии или отечественной истории, но к собственно политической науке они имеют опосредованное отношение.

В данном контексте вызывает недоумение и формулировка **научно-практической значимости исследования**. Создается впечатление, что автор рекомендует российской власти модель будущей империи – «национального государства». Это звучит, по меньшей мере, двусмысленно.

Из других наших критических замечаний укажем, по меньшей мере, следующие:

1. На 160 страниц авторского текста присутствует 12 параграфов, объем некоторых из которых насчитывает 5-6 страниц (параграфы 1.1, 3.2, 3.3 и 3.4). Указанное изобилие параграфов могло быть вполне редуцировано без существенных потерь для логики изложения.

2. По теме «империи» и «имперскости» существует огромный массив литературы, который, по-видимому, не рассмотрен диссертантом. Здесь

можно назвать работы таких авторов, как Л. Казарян, А. Шопар-Ле-Бра, Г. Кнабе, Ш. Эйзенштадт, К. Виттфогель, И. Валлерстайн, Б. Боди, В. Бюль, Ж. Лагруа, Ш. Бродель, Дж. Мэрриотт, П. Кеннеди и др. Но все они, к сожалению, прошли мимо внимания автора. Вопрос когерентности гражданского общества и империй рассмотрен, к примеру, в монографии: Доманова В.Г. «Концепт гражданского общества: российские реалии» (Ростов-на-Дону, 2009).

3. Набор авторов в списке литературы свидетельствует об идеологической ангажированности исследования, когда игнорируются иные исследовательские парадигмы (в частности, большой вопрос вызывает тезис диссертанта о «нецелесообразности противопоставления государства и гражданского общества» – п. 2.4). Кроме того, чрезвычайно механистичным представляется определение «гражданского общества» как «совокупности граждан, для которых участие в политической жизни становится делом во имя общего блага» (с. 9).

4. Для политолога вызывает недоумение и пассаж автора о противопоставлении «права» (на Западе) и «правды» (в России) в п. 2.4. («Правда не отрицает права, но стоит поверх него, вбирая его в себя»), а также его концепт «исторического самоузнавания» (п. 3.4). Возможно, такие выражения вполне приемлемы для политической либо исторической публицистики, но никак не для квалификационной научной работы по политологии. Здесь слишком много аксиологии, идеологической субъективности.

5. Когда автор анализирует «солидарность», хотелось бы его адресовать к работам П. Кропоткина, в противном случае, применительно к условиям российской истории такой анализ выглядит поверхностно. Хотелось бы узнать и концептуальную значимость авторской конструкции, которая звучит как «самостийность российской государственности».

В целом, диссертация Угурина Ивана Михайловича написана на актуальную тему, самостоятельно, ярким публицистическим языком,

обладает внутренним единством. Автореферат и опубликованные работы отражают основное содержание диссертации, а представленный к защите текст, в целом, свидетельствует о глубоком интересе диссертанта к кругу проблем, которые он обсуждает в своей работе. Вместе с тем, научные результаты и положения, выдвигаемые автором для публичной защиты, мы квалифицируем – в силу указанных выше критических замечаний – как недостаточно аргументированные и оцененные по сравнению с другими известными решениями.

Существенным недостатком представленного к защите диссертационного исследования мы считаем его несоответствие формуле научной специальности 23.00.02 – «Политические институты, процессы и технологии». Основное содержание диссертационной работы И.М. Угрина относится к п. 3 «Философия политики и политическая философия» и п. 26 «Влияние мифов, утопий и идеологий на эволюцию политической мысли и науки и их способы отображения мира политики» из области исследований по научной специальности 23.00.01 – «Теория и философия политики, история и методология политической науки». Хотя ряд сюжетов диссертации обнаруживают сходство с описанием области исследований по научной специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» (к примеру, «Цивилизационные и национальные стили развития политических процессов» и др.), непосредственным и главным объектом анализа автора остается комплекс идей и концепций из сферы социальной и политической философии. Исследование не располагает собственным эмпирическим базисом, предполагающим использование традиционных методов политического анализа.

С учетом сказанного выше, мы делаем вывод, что диссертация Угрина Ивана Михайловича «Имперская и национальная парадигмы в ракурсе становления русской гражданской культуры», не вполне отвечает требованиям действующего «Положения о присуждении ученых степеней», в частности п. 10 Положения.

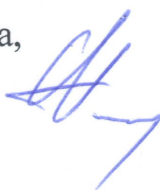

Отзыв о диссертации И.М. Угрина составлен доктором политических наук (специальность 23.00.01), профессором кафедры теоретической и прикладной политологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет» Домановым Валерием Георгиевичем (344065 г. Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, 116, ауд. 114, телефон 8(863)250-70-55, E-mail: doman-off@mail.ru).

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

Протокол № 7 от 25 марта 2015 года.

Заведующий кафедрой
теоретической и прикладной политологии
Института философии и
социально-политических наук
Южного федерального университета,
доктор политических наук, доцент

Поцелуев Сергей Петрович

Адрес: 344079, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, 116, ауд. 114, тел. 89034037294, E-mail: spotselu@mail.ru

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»
личную подпись *Поцелуева С. П.*
ЗАВЕРЯЮ:
Специалист по кадрам
« 25 » 03 2015 г.

